

ДОН НИГРО

СНЫ ТЕМНОГО
ЗАМКА

Дон Нигро

СНЫ ТЕМНОГО ЗАМКА

Серия «Пендрагон-Армитейдж»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53812933*

Аннотация

Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж. Восемь актеров (4 женские и 4 мужские роли). Из саги «Пендрагон-Армитейдж». Остатки когда-то знаменитой гастрوليрующей труппы Эндрю Макдаффи приезжают в родовое гнездо Пендрагонов, теперь огромный, разваливающийся особняк. Дункан, Дафф и Элли Роузы, дети Джона Роуза, одного из основных персонажей саги, и Джун и Лорри Риди, дети Бекки Армитейдж, отцом которой также является Джон Роуз, пусть об этом никто не знает (подробности в пьесах «Лестригоны» и «Весельчаки, храни вас Бог»). Все вроде бы кончено: костюмы и декорации арестованы за долги, большая часть труппы разбежалась. Но выясняется, в особняке, тайно от всех, живет Джон Роуз, а еще появляется мучимый угрызениями совести Ромео Дефлорес, отец Джун и Лорри (об этом в пьесе «Уехал цирк»). Трагедия в какой-то момент становится фарсом, потом драмой, а в итоге на руинах прежнего театра возникает новый театр. Потому что, чтобы ни случилось, театр вечен. Так говорит Дон Нигро устами

Джона Роуза: «Когда планета будет в руинах и чуть ли не все умрут, мы никуда не денемся. «Шекспировский гастролирующий театральный парк развлечений Пендрагон и Роуза», или как тогда мы будем называться, при восходе солнца двинется к руинам соседнего города, с нашими животными и уродами, безумными влюбленными и Шекспиром, который все это и многое другое». Так что жизнь продолжается.

Содержание

Действие первое	7
1	7
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дон Нигро

СНЫ ТЕМНОГО ЗАМКА

Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Восемь актеров (4 женские и 4 мужские роли). Из саги «Пендрагон-Армитейдж». Остатки когда-то знаменитой гастролирующей труппы Эндрю Макдаффи приезжают в родовое гнездо Пендрагонов, теперь огромный, разваливающийся особняк. Дункан, Дафф и Элли Роузы, дети Джона Роуза, одного из основных персонажей саги, и Джун и Лорри Риди, дети Бекки Армитейдж, отцом которой также является Джон Роуз, пусть об этом никто не знает (подробности в пьесах «Лестригоны» и «Весельчаки, храни вас Бог»). Все вроде бы кончено: костюмы и декорации арестованы за долги, большая часть труппы разбежалась. Но выясняется, в особняке, тайно от всех, живет Джон Роуз, а еще появляется мучимый угрызениями совести Ромео Дефлорес, отец Джун и Лорри (об этом в пьесе «Уехал цирк»). Трагедия в какой-то момент становится фарсом, потом драмой, а в итоге на руинах прежнего театра возникает новый театр. Потому что, чтобы ни случилось, театр вечен. Так говорит Дон Нигро устами Джона Роуза: «Когда планета будет в руинах и чуть ли не все умрут, мы никуда не денемся. «Шекспировский гастролирующий театральный парк развлечений Пендрагон и Роуза», или как тогда мы будем называться, при восходе солнца двинется к

руинам соседнего города, с нашими животными и уродами, безумными влюбленными и Шекспиром, который все это и многое другое». Так что жизнь продолжается.

Действующие лица:

ДУНКАН РОУЗ, 45 лет – актер

ДАФФ РОУЗ, 43 года, его брат

ЭЛИ РОУЗ, 41 год, их сестра

ДЖУН РИДИ, 33 года, их кузина

ЛОРРИ РИДИ, 32 года, ее сестра

РОМЕО ДЕФЛОРЕС, 53 года

ДЖОН РОУЗ, 88 лет

МОЛКИН РИВС, 20 лет

Декорация:

Гостиная в особняке Пендрагонов, огромного, древнего, разваливающегося, населенного призраками дома-лабиринта в восточной части Огайо. Осень 1976 г. Старая мебель в чехлах и паутине. Еще и поле рядом с домом, на котором стоит пугало-оборвыш.

Действие первое

1

(В темноте играет каллиона, ревут львы, трубят слоны. В загорающемся свете мы видим гостиную старого особняка Пендрагонов в восточной части Огайо, разваливающегося огромного дома, построенного в стиле викторианской готики. Осень 1976 г. Паутина, чехлы на мебели, двери в нескольких направлениях. Пять человек входят медленно, с чемоданами и в изумлении оглядывают эти готические руины. ДУНКАНУ РОУЗУ сорок пять. Он играет королей, злодеев, монументальных героев. Его брату ДАФФУ сорок три. Он – Гамлет, Бенедикт, Ромео и Ричард Третий, обаятельный, но вне сцены, случается, человек ненадежный. Актер способный. Их сестре ЭЛЛИ сорок один, ее хрупкая красота еще не померкла, но начала блекнуть. ДЖУН РИДИ тридцать три, скучающая и загадочная богиня. Ее сестре ЛОР-РИ тридцать два, она – миниатюрная молодая женщина, нервная и несчастная. Когда все заходят в комнату, музыка стихает).

ДАФФ. Нас должен встретить Бела Лугоши?

ДУНКАН. Лорри, куда ты нас привела? Заманила сюда, чтобы убить? Что мы делаем в этом богом забытом мавзолее, еще и кишашем крысами?

ЛОРРИ. Ты прав, Дункан. О чем я думала? Мне следовало снять люкс в «Ритце».

ДУНКАН. А кому принадлежала сама идея американского турне?

ДАФФ. Не смотри на меня. У меня не было идей с тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

ДУНКАН. У тебя их с рождения не было.

ДАФФ. Идеи у меня были. Просто я предпочитаю галлюцинации.

ЭЛЛИ. Я чувствую, что это место мне знакомо.

ДУНКАН. Быть такого не может, Элли. Ты никогда здесь не бывала. И пожалуйста, давай без этой хиромантии. Я не в настроении.

ЭЛЛИ. Может, в прошлой жизни.

ДУНКАН. Пошло-поехало.

ДАФФ. Как же мне хочется оказаться в прошлой жизни.

ДУНКАН. А мне хочется просто умереть.

ДЖУН. Не помню я, чтобы дом был таким дракуловским. Что с ним произошло?

ЛОРРИ. Тетя Молл говорила, что сдала его в аренду этой

ужасной семейке Ривсов, и они многое уничтожили, а потом исчезли, не заплатив за шесть месяцев. Больше в нем жить никто не пожелал, вот дом и стоял, медленно разваливаясь. В городе уверены, что в нем живут призраки.

ЭЛИ. Я это чувствую. В этом доме есть призраки. Здесь случилось что-то странное.

ДУНКАН. Твое появление – самое странное, что здесь когда-либо случилось.

ЭЛИ. Я серьезно, Дункан. Или ты этого не чувствуешь?

ДУНКАН. Чувствую что? Блох? Это блохи? Здесь должны быть блохи.

ЭЛИ. Не блохи. Мощное чувство духовной связи с этим местом. Наш отец здесь родился. Мать Джун и Лорри родилась здесь. Это место – природный узел космической энергии. Я это чувствую.

ДЖУН. Элли, ты однажды почувствовала выброс космической энергии из платного туалета в Манчестере.

ЭЛИ. Это был не простой туалет, он располагался древнего погребального холма друидов. Но здесь узел более мощный. Прямо-таки Стоунхедж.

ДАФФ (*сдергивая чехол с дивана*). И мебель примерно такая же древняя. Как бы нам не стать человеческими жертвоприношениями.

ДУНКАН. Это то самое, знаешь ли.

ДАФФ. Что, то самое?

ДУНКАН. Конец. Это конец. Мы официально достигли

дна. «Гастролирующая театральная компания Пендрагона и Роуза» наконец-то достигла дна вонючей выгребной ямы, каковой является искусство двадцатого столетия, и расположено это место, что довольно таки странно, в сельской глубинке восточного Огайо.

ДАФФ (*садится на диван, достает фляжку*). Гони тоску прочь, Дунк. Со всеми этими крысами мы, по крайней мере, не умрем с голоду. (*Пьет*).

ДУНКАН. Не могу поверить, что годы борьбы привели к этому. Разорен и брошен посреди чертова, обсиженного воронами, кукурузного поля в забытом богом восточном Огайо. Да поможет мне Бог, но я начинаю тосковать по Питтсбургу. Что мы здесь делаем? Почему я позволил вам уговорить меня приехать в это готическое страшилище.

ЛОРРИ. За ночлег платить здесь не нужно, Дункан. Не говоря о том, что появится время подумать о будущем и, возможно, узнать новое о своей семье.

ДУНКАН. Эти люди – не моя семья. Эти люди – твоя семья.

ЛОРРИ. Твоя семья – это моя семья. Твой отец – брат моей умершей бабушки. Я не ошибаюсь, Джун?

ДЖУН. Да кого это волнует.

ДУНКАН. Не говори мне об отце. Если бы мой отец не бросил нас после смерти Марины, мы не были бы в таком пролете.

ЛОРРИ. Главная причина в том, что твоих способностей

управлять этой труппой, мягко говоря, не хватило.

ДУНКАН. Не моя вина, что у нас нет денег. Не моя вина, что какой-то вороватый кретин из Питтсбурга конфисковал наши костюмы и декорации и отправил нас в эту чертову Трансильванию.

ДЖУН. А чего ты от него хотел? Он выдал нам крупный аванс, а на спектакль пришли три человека.

ДУНКАН. Откуда я мог знать, что в это время года все население Питтсбурга отправляется охотиться на белок?

ДАФФ. Я подумал, что зрители они благодарные. Особенно та старушка со слуховой трубкой.

ДУНКАН. Она заснула во время моего большого монолога.

ДАФФ. Я тоже.

ДУНКАН. И весь первый акт продолжала пердеть. Эхо от ее «голубков» разносилось по всему чертову амбару, который по недоразумению зовется театром, словно кто-то взрывал шутихи.

ДАФФ. На самом деле «голубки» пришлось весьма кстати. Подчеркивали твои ремарки. Мы должны взять ее в штат и использовать в спектаклях.

ДУНКАН. Дафф, нельзя все обращать в посмешище.

ДАФФ. Ты – посмешище.

ДУНКАН. Я – не посмешище. Ты посмешище.

ЛОРРИ. Вы оба – посмешища.

ДУНКАН. Я сдаваться не собираюсь. Не позволю тебе по-

губить нашу труппу лишь для того, чтобы утолить твою глупое, жаждущее самоуничтожения эго.

ДАФФ. Взгляни правде в глаза, Дункан. Мы – покойники.

ДУНКАН. Мы – не покойники.

ДЖУН. Мы серьезно больны.

ЛОРРИ. Мы практически на смертном одре.

ДУНКАН. Нет. Я с этим не согласен. Должен быть способ выбраться из этой передраги.

ДАФФ. Самоубийство не рассматривал?

ДУНКАН. Рассмотрю, если ты уйдешь первым.

ДЖУН. А теперь, мальчики, давайте успокоимся.

ДУНКАН. Может, мы не оказались бы в таком положении, если бы мой брат мог достаточно долго держаться подалеже от бутылки и выходить на сцену трезвым, чтобы хотя бы иногда пытаться изображать актера.

ДАФФ. Дункан, ты родился с занозой в зад или ее загнали тебе в зад только сегодня?

ЭЛЛИ. Может, перестанете цапаться? Терпеть этого не могу.

ДАФФ. Драма – это конфликт.

ДУНКАН. Если ты слишком пьян, чтобы оторвать зад от дивана и выйти на сцену, тогда – нет.

ДАФФ. Я в жизни не пропустил спектакля.

ДУНКАН. Да что ты говоришь. Даже когда тебе удавалось дотащиться до сцены, половину времени ты пребывал в бессознательном состоянии.

ДАФФ. Некоторые из моих ролей сыграны лучше всего, когда я был без сознания.

ЭЛИ. Господи, как мне недостает папы.

ДУНКАН. Мечтать о папе смысла никакого, потому что его больше нет, Элли. Он ушел.

ДАФФ. Как же мне хочется уйти.

ЛОРРИ. Нам всем хочется, чтобы ты ушел.

ДАФФ. Но куда именно я пойду?

ЭЛИ. Прошлой ночью мне приснилось, что мы все убежали и присоединились к цирку.

ДАФФ. Так мы и сделаем, Дункан. Какой половиной лошади ты хочешь быть?

ДЖУН. Послушайте, нельзя сказать, что ситуация совсем безнадежная. Мы продержимся, пока не решим, как нам вернуть декорации и костюмы. Тетя Лиз будет кормить нас жареной курятиной и картофельным пюре, и со временем мы снова встанем на ноги. Всегда ведь вставали, так?

ДАФФ. Мы не стояли на ногах с тысяча девятьсот сорок шестого года.

ДУНКАН. Именно тогда ты в последний раз был трезв.

ЭЛИ. В моем сне слон сказал мне, что все будет хорошо.

ДУНКАН. Может, заткнешься со своими глупыми снами?

ЛОРРИ. Не надо с ней так говорить. Она расплачется.

ЭЛИ. Не расплачусь. На Великий пост я не плачу.

ЛОРРИ. Сейчас не Великий пост.

ЭЛИ. Великий пост – состояние души, как Франция.

ДУНКАН. Мне без разницы, плачет она или нет.

ЭЛЛИ. Я знаю, что твои слова не следует воспринимать всерьез. Тебе просто недостает жены и детей.

ДАФФ. Жена, скорее всего, заменила его молочником.

ДУНКАН (*бросаясь к ДАФФУ*). Что ж, ты сам напросился.

ЛОРРИ (*встает между ними*). Хватит! Больше никаких свар.

ДЖУН. Да ладно, пусть подерутся. Может, убьют друг друга.

ДУНКАН. Если он скажет еще хоть слово о моей жене, я вырву ему кадык и скормлю пробегающему шакалу.

ДАФФ. Это ты – пробегающий шакал.

ДЖУН. Может, мы смотрим на ситуацию не под тем углом? Может, нам стоит попытаться увидеть в ней новые возможности.

ДУНКАН. Какие возможности? Помереть с голоду? У нас нет декораций. У нас нет костюмов. У нас нет денег. Впереди еще семнадцать выступлений, а добраться туда мы можем, разве что голосуя на дорогах. Большинство наших актеров разбежались. А мы застряли здесь, в загородном доме доктора Франкенштейна. Те еще возможности.

ЛОРРИ. Послушай, некоторые из покинувших нас висели на трупке мертвым грузом. Мы сможем продолжить в меньшем составе.

ДУНКАН. Шекспировские пьесы впятером не сыграть.

ЛОРРИ. Так найдем новых актеров.

ДУНКАН. В Огайо? Найдем актеров в Огайо? Ты полагаешь, что в Огайо можно найти актеров, достойных играть Шекспира? Совсем рехнулась?

ДЖУН. Твои отец и мать родом из Огайо, и они научили тебя всему, что ты знаешь.

ДУНКАН. Место рождения моих родителей – неудачное и где-то сюрреалистичное отклонение от нормы. Я родился и вырос в Британии. Я – англичанин.

ДАФФ. Да, ты – напыщенный осел. Полагаю, это твоя максимально точная характеристика.

ЭЛЛИ. Я не понимаю, что здесь плохого. Мне нравится это место.

ДУНКАН. Никому в здравом уме место это понравиться не может.

ДЖУН. Дункан, не очень тактично говорить такое человеку, который трижды лежал в больнице с нервным расстройством.

ЭЛЛИ. Нет, все нормально. Сейчас я чувствую себя на удивление сконцентрированной. Это как-то связано со здешней географией. Мне нравится представлять себе мои психические расстройства необходимой составляющей удивительного путешествия к духовному просветлению. Теперь я вижу свою жизнь, как странствие по враждебной территории к нирване, и есть у меня очень сильное ощущение, что этот дом – основной узел космического лабиринта, этакий насе-

ленный призраками, затерянный американский готический замок Грааля. Словно все в мире случилось в этом месте.

ДУНКАН. Да, Элли. Мы прибыли в пуп земли. А унитаз — это Святой Грааль.

ЭЛЛИ. Только невежда боится просветления.

ДУНКАН. И только совершеннейшие безумцы думают, что смогут найти просветление в Огайо.

ЭЛЛИ. Просветление можно найти где угодно.

ДУНКАН. В Питтсбурге мне его найти точно не удалось.

ЭЛЛИ. Потому что ты не искал. Я пыталась представить себе выросшего здесь папу, но это сложно. Лорри, ты и Джун детьми часто бывали в этом доме, так?

ЛОРРИ. На самом деле, нет. Наша мать всегда ненавидела этот дом. Она выросла на ферме тети Лиз, а в городе жила в доме тети Молл. Когда мы были маленькими, здесь жил наш дядя Дейви, и ему, похоже, дом нравился. Но он, разумеется, был безумен. Ладно, не совсем безумен. Хотя много и часто говорил с людьми, которых здесь не было.

ДЖУН. Мне нравилось сюда приходить. Всегда чувствовала, что призрак отца Гамлета прогуливается под окном. Хотя, возможно, это был дядя Дейви.

ДАФФ. Это ад. Мы прибыли в Обитель демонов в той части ада, которую индейцы называли Огайо. Теперь мы официально, безнадежно, навечно потерянные. Спектакль закончен. Театр в руинах. Актеры гниют в темноте. Мы наконец-то достигли обиталища воронов. (*Пьет*).

ЭЛИ. Не обязательно. Иногда то, что представляется концом одной постановки, на самом деле начало другой, которая скромно пряталась за кулисами первой.

ДЖУН. Элли, я не знаю, какой наркотик ты сейчас принимаешь, но, пожалуйста, поделись.

ЭЛИ. Наркотики я теперь не принимаю. Секрет моего вновь обретенного спокойствия – вязание. Вязание успокаивает душу даже лучше совокупления, и гораздо чище. *(Она открывает сумку и достает большущий клубок ниток, в котором чего только не замотано)*. Срань господня. Ну и месииво. Ой, смотрите, а вот и салями. *(Достает палку салями)*. Мы его потеряли.

ДУНКАН. Круто. Элли собирается довязать рукав надежды. Наш мир рушится, а моя безумная сестра достает клубок ниток, чтобы связать свитер для пугала на поле перед домом.

ЭЛИ *(запутывается в нитках)*. Тебе стоит попробовать самому, Дункан. Возможно, и настроение улучшится. Черт, это какой-то кошмар. Кто-нибудь, помогите мне, а не то эти нитки меня задушат.

ДЖУН *(помогает ЭЛИ распутаться)*. На самом деле не так здесь и плохо. Окна кухни выходят в сад, который полностью окружен домом, а в нем солнечные часы под гигантским, очень старым деревом, которые в детстве всегда завораживали меня. Ребенком я никак не могла понять, то ли солнечные часы появились здесь задолго до того, как выросло дерево, то ли построили их в тени дерева.

ДАФФ. Да это девиз на нашем фамильном гербе. Сооружай свои солнечные часы в тени.

ДЖУН (*отдает клубок ЛОРРИ*). Держи, Лорри. Вдруг пригодится.

ЛОРРИ. Не нужны мне эти нитки.

ДАФФ. Так отдай Дункану. Может, он найдет применение.

ЭЛИ. Оставь себе, Лорри. Они помогают направить безумие в креативное русло.

ДУНКАН. Как это похоже на закат и падение Римской империи.

ЭЛИ. Сожалею, что нитки так запутались. Я думаю, до них добрался кот.

ДЖУН. Я не знала, что у нас до сих пор есть кот.

ЭЛИ. Вообще-то я давно его не видела.

ЛОРРИ. Нам этот клубок никогда не распутать.

ДЖУН. А что ты собиралась связать?

ЭЛИ. Не знаю. Шляпу. Может, свитер. Или, если не получится, плед. Не хочу я знать до того, как начну. Всегда хочется изменять исходные ожидания по мере того, как создаваемое тобой растет, изменяется и принимает неожиданные формы. И мы – совсем не Римская империя. Римская империя не рухнула из-за того, что кто-то конфисковал ее костюмы и декорации в Питтсбурге.

ДУНКАН. Римская империя рухнула под напором варварства и религии. Так похоже на Америку.

ЛОРРИ (*всматривается в клубок*). Господи, думаю, я нашла кота.

ДУНКАН. Мы балансируем на краю бездонной пропасти. Империя шатается, но она еще не рухнула. И что нам теперь с этим делать?

ДАФФ. Пожалуй, выпью по этому поводу.

ДУНКАН. Это твое решение на все случаи жизни?

ДАФФ. Я думал, мы уже определились, что нет у меня никаких решений. Ты – самозванный лидер этого марша в ад, этого детского крестового похода слабоумных.

ЭЛЛИ. Ух, ты! Я ощущаю мощные телепатические вибрации. В этом доме кто-то есть.

ДАФФ. Нет никого в этом доме. В том числе и нас.

ЭЛЛИ. А я говорю тебе, есть. Кто-то наблюдает за нами.

ДАФФ. Никто не наблюдает за нами. Никто не наблюдает, и когда мы на сцене. Зрители – целиком и полностью фрагмент твоего воображения, как призраки, Бог и вознагражденная любовь.

ЛОРРИ. Зато еды у нас предостаточно. Приготовленным тетей Лиз хватит на всю наполеоновскую армию.

ЭЛЛИ. Лорри, тебе нужно расспросить тетю Лиз о призраках.

ЛОРРИ. Тетя Лиз не станет говорить о призраках. Она лишь сказала, что эти Ривсы были грязными, безумными негодяями, сбежавшими, не заплатив за аренду. Она думала, может, у них сломался водяной насос, но нет, он работает.

ЭЛИ. Говорю тебе, кто-то наблюдает за нами.

ДАФФ. Если ты не хочешь, чтобы люди наблюдали за тобой, почему всегда ходишь голышом?

ЭЛИ. Я хочу голышом, если мне действительно жарко, моя одежда в стирке или праздная день весеннего равноденствия. Джун тоже любит ходить голой. Тебе нравится, когда она ходит голой.

ДАФФ. Джун – не моя сестра.

ЭЛИ. Она – твоя кузина.

ДАФФ. Разве это имеет значение?

ДУНКАН (*что-то пишет в блокноте*). Только не в Огайо.

ДАФФ. А что ты делаешь? Задумал самоубийство и пишешь предсмертную записку?

ДУНКАН. Составляю список тех, кто мог бы прислать нам деньги.

ДАФФ. Никто и никогда не пришлет нам деньги.

ЭЛИ. Анна Пендрагон прислала бы.

ДУНКАН. Она в моем списке, но в данный момент Анна, насколько мне известно, берет интервью у тибетских яков.

ДАФФ. Не старовата ли она для такого?

ЛОРРИ. Попробуй ей это сказать. Она сломает тебе руку.

ДУНКАН. В этой семье Анна – одна из самых здравомыслящих.

ЛОРРИ. Только потому, что она – приемная.

ДУНКАН. Пока она дает нам деньги, мне это без разницы.

ЛОРРИ. Не думаю я, что нас и дальше следует доить Анну. Она не богачка, знаешь ли.

ДУНКАН. Будет лучше, если наша труппа прикажет долго жить?

ЛОРРИ. Не знаю я, что лучше.

ЭЛЛИ. Значит, вы не помните, что кто-то видел здесь призраков?

ДЖУН. Дядя Дейви частенько говорил с признаком своей умершей возлюбленной.

ЛОРРИ. Дядя Дейви был чокнутым.

ДЖУН. ОН был поэтом. Им можно. И ты любила дядю Дейви.

ЛОРРИ. Да, любовь к чокнутым – это по моей части.

ДАФФ. У меня закончилась выпивка. А нет ли здесь винного погреба?

ЛОРРИ. Если на то пошло, я думаю, что есть. Я знаю, что под этим домом гигантский лабиринт подвалов, и в некоторых хранилось вино, но должна предупредить: люди, которые спускались вниз, никогда не поднимались обратно.

ДАФФ. Так это моя заветная мечта, дорогая моя.

ЛОРРИ. Хорошо. Почему нет? Все лучше, чем сидеть здесь и распутывать эти чертовы нитки. *(Бросает клубок на колени ДЖУН)*. Вот. Займись делом.

ДЖУН. Зачем мне это?

ЛОРРИ. Пошли, Даффи. Лестница в подвал в том коридоре. *(Останавливается, поворачивается)*. Подожди. Он за-

колочен. Но, думаю, мы доберемся до лестницы через кухню. *(Идет в сторону кухни, лавируя среди мусора)*. Эти Ривсы – просто свиньи. Если мы не вернемся через двадцать минут, посылайте ищеек. *(ЛОРРИ и ДАФФ уходят на кухню. Какое-то время слышны их голоса)*.

ДАФФ. Это крыса?

ЛОРРИ. Не волнуйся. Она дохлая.

ДУНКАН. Хоть кому-то повезло.

ДАФФ. Если она дохлая, почему двигается?

ЛОРРИ. Это толстозадый паук тащит ее за печку.

ДУНКАН. Мне нужно позвонить.

ДЖУН. У тети Молл есть телефон.

ДУНКАН. Боже! Она опять попытается скормить мне кусок чертова пирога, так? Почему все в Огайо пытаются затолкнуть мне в глотку пирог? Да что с местными такое?

ДЖУН. Дункан, если ты хочешь найти общий язык с жителями Огайо, прежде всего ты должен научиться съесть предложенный кусок пирога.

ДУНКАН. Огайо – это ад.

ДЖУН. И тебе не обязательно звонить домой по три раза в день. Твоя жена и дети в полном порядке.

ДУНКАН. Это меня и тревожит. Боюсь я, что стоит мне уехать из Англии, у всех, кого я знаю, вырывается коллективный вздох облегчения.

ЭЛИ. Это неправда, Дункан. Некоторым из нас придется ехать с тобой.

ДУНКАН. Не могу я идти к тете Молл в одиночку. Я не знаю этих людей и не хочу есть этот чертов пирог. Гладить собаку тоже не хочу.

ДЖУН. Хорошо. Составлю тебе компанию. Но машину поведу я.

ДУНКАН. Не хочу я ехать с тобой. Ты рулишь, как ма-
ньяк.

ДЖУН (*бросает клубок ниток ЭЛЛИ*). А ты едешь не по той полосе.

ДУНКАН. Я еду, где и положено.

ДЖУН. Дункан, не можешь ты заставить всех жителей Огайо ездить не так, как они привыкли, только потому, что ты – англичанин.

ДУНКАН. Ну, не знаю. Дорога из Питтсбурга показала, что учатся они быстро.

ДЖУН. Они просто пытались избежать лобового столкновения.

ДУНКАН. Нам не придется вновь видеться с твоей матерью?

ДЖУН. Я постараюсь без этого обойтись.

ДУНКАН. Против нее я ничего не имею, но, на эволюционной лестнице ее муж стоит на несколько ступенек ниже бабуинов.

ДЖУН. Не надо обижать бабуинов. По интеллектуальному и моральному уровню Кларенс сравним с сырной плесенью. Хочешь поехать с нами, Элли?

ЭЛИИ (*крутит в руках клубок*). Нет. Я хочу остаться здесь, чтобы впитывать эти метафизические вибрации.

ДУНКАН. Удачи тебе.

ЭЛИИ. Спасибо, Дункан. Ой, подожди. Давай обнимемся. (*Подбегает и обнимает ДУНКАНА*).

ДУНКАН. Я бы так не сердился на тебя, не будь ты такой нелепой.

ЭЛИИ. Я только прикидываюсь, что я нелепая, чтобы ты не чувствовал себя нелепым.

ДУНКАН. Ладно, продолжай в том же духе. (*Целует ее в лоб*). И с нитками будь осмотрительна, Не затяни петлю на шею.

ДЖУН. Пошли, тренер. Если будешь хорошим мальчиком, я возьму тебя на карьер, где мы искупаемся гольшом.

ДУНКАН (*когда он и ДЖУН уходят*). Я дал зарок не раздеваться догола в Огайо.

ЭЛИИ (*кричит вслед*). Наслаждайтесь пирогом. И помните, в Огайо ездят по правой стороне! (*Вздыхает*). Бедный Дункан! Так пытается быть папой, вот и не может быть кем-то еще. (*Садится на пол в позе лотоса. Пауза*). Призраки дома, говорите со мной. Скажите нам, что делать. Призраки всех умерших Пендрагонов, одарите нас своей мудростью. Скажите нам, как спасти нашу театральную компанию. Дайте знать, какие акции покупать. Дайте знать, на что ставить, красное или черное. Мы примем любую помощь. Алло? Есть тут кто-нибудь? (*За ее спиной, невидимая для ЭЛ-*

ЛИ, появляется МОЛКИН, девушка с большими накладными усами, в потрепанном старом свадебном платье и цилиндре. С некоторым интересом смотрит на ЭЛЛИ, достает грецкий орех из декольте и кладет на клубок ниток, словно украшает рождественскую ель). Люди мы хорошие. Просто театральные. В безумии нам более комфортно, чем большинству, и нам нравится ходить голыми, но мы особо любимые божьи дети, и мы хотим наладить общение с призраками, обитающими в этом доме. (МОЛКИН снимает накладные усы и кладет перед орехом, который вроде бы становится носом для клубка ниток). Призраки? Где вы? Поговорите со мной? Наркотиков у вас нет? (МОЛКИН снимает шляпу, водружает на клубок ниток, создавая некое подобие лица, смотрит на свое творение, явно довольная собой). Алло? Алло? Есть кто дома?

(МОЛКИН смотрит на ЭЛЛИ, потом исчезает в тенях дома. Падающий на ЭЛЛИ свет медленно меркнет и гаснет полностью).

2

(Ночь. Стрекочут цикады, ухают совы. Лунный свет через открытое окно падает на ЭЛЛИ, которая тревожно спит на диване, укрытая старым лоскутным одеялом).

ЭЛЛИ *(бормочет во сне, ей снится кошмар)*. Совы. Убирайтесь. Нечего вам заглядывать в окна. Мертвец с совами. Что-то в колодце. Животные. *(Она поворачивается, спиной к зрителям. Пауза. В окне появляется темная фигура)*. Папа? Ряды безголовых тел. Зеркала. Обнаженная девушка в зеркалах. *(Темная фигура залезает в окно и идет к ней)*. Огонь. Все горит. Нет. Не-е-е-ет. Папа. Папа. *(Темная фигура касается ее руки. Она садится. Кричит)*. А-А-А-А-А-А-А-А!

РОМЕО *(темная фигура, отпрыгивает, испуган)*. А-а-а-а! Все хорошо. Не бойтесь. Вам снился дурной сон.

ЭЛЛИ *(сонная, дезориентированная)*. Кто? Кто прикасался ко мне?

РОМЕО. Всего лишь я.

ЭЛЛИ *(находит его взглядом)*. А-А-А-А-А-А-А!

РОМЕО. Может, хватит? У меня слабый мочевого пузырь.

ЭЛЛИ. Вы – призрак?

РОМЕО. Я так не думаю.

ЭЛЛИ. Но не знаете наверняка?

РОМЕО. Разве что в темноте, но в принципе, думаю, нет,

пока еще нет.

ЭЛИИ. Выглядите вы, как дьявол. Вы – дьявол?

РОМЕО. Вы хотите, чтобы я оказался дьяволом?

ЭЛИИ. Вы – тот человек, который оставляет в доме орехи и усы?

РОМЕО. Может, я – ваша судьба.

ЭЛИИ. Нет, я так не думаю. Староваты вы для моей судьбы, знаете ли.

РОМЕО. По-моему, нет. А в каком возрасте должна быть ваша судьба?

ЭЛИИ. Я все еще сплю?

РОМЕО. Это вряд ли. Мне показалось, что вам снился кошмар, я подумал, что вас надо бы разбудить, вот и залез в окно. Я не собирался вас пугать. Но теперь, раз вы проснулись, я бы хотел обратиться к вам за советом.

ЭЛИИ. Дьяволу нужен мой совет?

РОМЕО. Даже дьяволу время от времени приходится советоваться. Видите ли, здесь есть люди, с которыми мне очень нужно поговорить, но я думаю, что они, скорее всего, не испытывают желания поговорить со мной.

ЭЛИИ. Да перестаньте.

РОМЕО. Думаю, вы могли бы помочь мне найти к ним подход. Дело важное, если на то пошло, вопрос жизни и смерти. По большей части, смерти, но где-то и жизни. Если бы вы только...

ДАФФ (*голос за сценой*). Элли, ты где?

ЭЛЛИ. Я в гостиной с дьяволом.

РОМЕО. Боюсь, дискуссию нам придется продолжить позже. При нашей следующей встрече. (*Целует ЭЛЛИ руку и уходит через дверь в глубине сцены*).

ЭЛЛИ. Нет, минуточку. Не уходи.

ДАФФ (*входит из коридора, с полупустой бутылкой в руке*). Я и не уйду. Только вошел. Думаю, это я. Ты в порядке?

ЭЛЛИ. Я – да, но здесь только что был дьявол.

ДАФФ. Здесь был дьявол?

ЭЛЛИ. Да. Залез в окно.

ДАФФ. Дьявол залез в окно?

ЭЛЛИ. Да.

ДАФФ. Я его не вижу, Элли. Он и сейчас здесь?

ЭЛЛИ. Нет, дурачок. Он ушел через ту дверь. (*Указывает на дверь в глубине сцены*).

ДАФФ. Элли, тебе нужно прекратить бродить по дому глубокой ночью, крича и галлюцинируя.

ЭЛЛИ. Почему? Ты все время это делаешь.

ДАФФ. Да, но у меня есть отмазка. Я всегда пьян.

ЭЛЛИ. Знаешь, я психически неуравновешенна, но не пользуюсь такой отмазкой. И я не брожу по дому. В моей комнате летучие мыши, я слышала, как они шепчутся, вот и пришла спать сюда, но дьявол залез в окно и заговорил со мной.

ДАФФ. Он упомянул мое имя?

ЭЛЛИ. Не думаю.

ДАФФ. Тогда это был не дьявол. Дьявол – мой добрый друг. После спектакля мы на пару обычно играем с хористками в покер на раздевание. Он так классно блефует.

ЭЛИ. Почему ты никогда не воспринимаешь меня серьезно? Люди никогда не воспринимают меня серьезно.

ДАФФ. Элли, ты думаешь, дьявола может занести в такую дыру? Все знают, что дьявол живет в Голливуде.

ЛОРРИ (*появляется в большущей футболке, с включенными волосами, сонными глазами, в дурном настроении*).
Что тут за крики?

ДАФФ. Элли поболтала с дьяволом.

ЛОРРИ. А чего так громко? Те из нас, кто не рехнулся полностью, пытались заснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.